

ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ АРИСТОТЕЛЕМ АТОМИСТИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ ДЕМОКРИТА

Г.Н. КУЗЬМЕНКО

Значение трудов Аристотеля для исследователей истории античной философии чрезвычайно велико. Приняв в качестве принципиального методологического приема ретроспективный анализ мнений по тому или иному вопросу, этот мыслитель активно обращался к работам своих предшественников, в результате чего его произведения стали своеобразным банком древнегреческой философской мысли.

Обращает на себя внимание та степень эффективности, с которой Аристотель использовал для нужд собственного теоретизирования историко-философский материал. Содержание древних учений предельно ясно Аристотелю, отсюда и оперативность при их обработке, и минимум искажений при их ретрансляции. Причина такой герменевтической прозрачности заключается не в последнюю очередь в едином для него и для других античных мыслителей мировоззренческом онтогенезе. То обстоятельство, что, излагая древних, Аристотель выступает в качестве не нейтрального доксографа, но в качестве пристрастного создателя оригинальной философской системы не должно при этом вводить в заблуждение. Несмотря на свою теоретическую оригинальность, Аристотель объективно являлся крупнейшим представителем доминировавшей в Античности философской традиции, укорененной в древнем мировоззрении (и, как следствие, имевшей легко обнаруживаемый коррелят с другими его формами — мифом, искусством, наукой и др.). Условно эту традицию можно было бы назвать пантеистической, т.е. явно или неявно использующей в качестве онтологического детерминанта концепт единого и безличностного первоначала. «Судя по всему, — резюмировал Аристотель в трактате «О Небе», — [наша] теория подтверждает непосредственный [человеческий] опыт, а опыт теорию. А именно, все люди имеют представление о богах, и при этом все... и варвары, и эллины отводят самое верхнее место божеству»¹.

В определенном смысле, исторические обзоры, широко практиковавшиеся мыслителем, были, кроме всего прочего, скрытой апелляцией к его старшим мировоззренческим союзникам, историческая последовательность учений которых, в конце концов, раскрывала логику размышления о предмете самого автора. И наоборот, собственная логика размышления позволяла ему дать адекватный комментарий наиболее сложных, многозначных мест в учениях своих предшественников.

В таких условиях развертывания философского творчества Аристотеля, для исследователя вполне естественно представляют интерес те

редкие моменты, когда в нем дается проблематичный комментарий к какому-либо учению (особенно неожиданный, если это учение появилось исторически сравнительно недавно). Комментарии античного мыслителя к атомистическому учению Демокрита относятся именно к такой категории. Учитывая уровень профессионализма Аристотеля, появление такого рода комментариев несет в себе определенную историко-философскую интригу.

Известно, что основные и наиболее детальные сообщения об учении Демокрита об атомах, ставшие предметом историко-философского исследования (в том числе и современного), принадлежат именно основателю Лицея. Примечательный факт – и в Британской энциклопедии² и в российской «Новой философской энциклопедии»³ в основе статей об атомистическом учении Демокрита лежит интерпретация знаменитого отрывка из 4-й главы аристотелевской «Метафизики»: «И так же как те, кто признает основную сущность единой... – пишет здесь выдающийся античный мыслитель – так и ... Демокрит (утверждает. – Г. К.), что отличия [атомов] суть причины всего остального. А этих отличий ... три: очертания, порядок и положение... а именно: *A* отличается от *N* очертаниями, *AN* от *NA* – порядком, *Z* от *N* – положением»⁴.

Популярность цитаты объяснима – она есть квинтэссенция широко распространенного и у зарубежных, и у отечественных ученых представления об атомах Демокрита. Согласно этому представлению, атомы – причины мира – суть различные по форме и способу сочетания материальные частицы, имеющие общую природу. То, что Аристотелем в этом отрывке отражена его продуманная историко-философская позиция по отношению к учению Демокрита, не вызывает сомнений. В своей «Физике» Аристотель ее повторяет, говоря следующее: «Если же (допустить, что. – Г. К.) начал много, то (должно быть. – Г. К.) ... так, как говорил Демокрит, т.е. все они одного рода, но различаются фигурой или видом»⁵. Комментатор Аристотеля Симпликий (VI в.), в связи с этим еще раз уточняет: «...атомы имеют одну и ту же субстанцию»⁶. В той же «Физике» Аристотель, имея в виду, в первую очередь, Демокрита, пишет: «Кто обратит внимание на старых [философов], тому может показаться, что дело физика – материя»⁷. Иоанн Филопон (VI в.), комментируя данный отрывок, считает нужным прибавить: «Демокрит считал материю субстанцией атомов»⁸. Наконец, следует упомянуть следующие совершенно недвусмысленные замечания Аристотеля об атомах: «Демокрит утверждает, что... началом их всех (атомов. – Г. К.) служит общее тело, части которого отличаются по величине и фигуре»⁹ и «природа... у них одна – как если бы каждый [атом] был отдельной [частицей] золота»¹⁰.

Приведенные выше цитаты, утверждающие единство природы атомов, безусловно, дают основание считать, что атомизм на онтоло-

гическом уровне классифицируется Аристотелем как своеобразная форма монизма. Является ли таковым учение Демокрита об атомах в описании самого Аристотеля, — вот тот вопрос, ответу на который посвящена данная статья. Когда Аристотель в своих трудах привлекает учение Демокрита в качестве элемента исторического экскурса — при анализе оснований мира, времени, движения, познания и т.д. (универсум философских интересов Аристотеля чрезвычайно широк), он, как правило, сталкивается с очень большими трудностями. Логические неувязки, причина которых коренится в строго монистической интерпретации атомизма, зачастую приводят его в недоумение. «В таком случае у них (должна быть. — Г. К.) не одна природа», — таков типичный смысл комментария мыслителя, указывающего на очередной возникающий парадокс¹¹.

Вот широко известный факт. Согласно Демокриту, в изложении того же Аристотеля, атомы при встрече никогда не сливаются в одно целое. Странность взаимодействия тел одной природы в данном случае очевидна. На это обстоятельство обращает внимание, в первую очередь, сам Аристотель. «Если у них одна природа, — задается он в связи с этим вполне логичным вопросом, — то что их обособляет? Или почему они при соприкосании не становятся чем-то одним, как вода, когда она встречается с водой?»¹²

Задавая этот вопрос, Аристотель прекрасно осведомлен об одной, по настоящему уникальной для Античности концепции Демокрита — концепции условий взаимодействия вещей. «Только Демокрит, один из всех, говорил нечто особое, — пишет Аристотель о ней в одном из исторических обзоров. — А именно, он утверждает, что воздействующее и подвергающееся воздействию — это одно и то же... потому что разные и непохожие друг на друга [предметы] не могут испытывать воздействие друг от друга, и даже когда разные [вещи] как-то действуют друг на друга, то это бывает с ними не в силу того, что они разные, а силу того, что им присуще нечто тождественное»¹³.

Словом, если следовать логике рассуждения Демокрита об условиях взаимодействия вещей, то можно сделать следующий вывод: не имеющие ничего общего, т.е. разнородные вещи не взаимодействуют. Но и атомы, согласно Демокриту, никогда не взаимодействуют друг с другом. Термин «касание» если и используется им в данном случае, то «не в прямом смысле»¹⁴. Между атомами находится абсолютная пустота — это исключительно важное, причем неведомое ранее античной философии концептуальное новшество атомизма. Атомы не взаимодействуют, у них нет общих точек соприкосновения (иначе говоря, для них нет «Единоного»), атомы тождественны сами себе, а не друг другу. Как же это обстоятельство соотнобразуется с утверждением об их однородности?

Здесь следует отметить еще одно немаловажное обстоятельство. С точки зрения древних мыслителей, явным признаком глубинной

однородности вещей является обнаруживаемая в мире универсальная «симпатия». Отсюда та роль, которую играет категория эроса (эроты), или любви в античной философии «от Гесиода до Платона»¹⁵. Отмечает эту роль и сам Аристотель, посвящая категории эроса немало страниц, среди которых целая глава «Метафизики»¹⁶. Причина взаимной «любви» вещей для монистически ориентированного античного сознания понятна: вещи «нуждаются» друг в друге, так как, несмотря на внешние различия, по своей истинной природе они представляют собой единое целое. «Можно заметить их (понятий любви. — Г. К.) общую функцию, — пишет о смысле этой античной категории А.Л. Дюброхотов, — восстановление разрушенного мирового единства. Эрос появляется тогда, когда возникает взаимное тяготение разъединенных частей мира. В Эросе они остаются едиными, пока не вернуться к реальному единству, восстановленной полноте»¹⁷.

В такой «эроты-ориентированной» античной философии атомизм занимает особую позицию. Атом, согласно учению Демокрита, как раз никакой «симпатии» (как впрочем, и «вражды») к другому атому не испытывает. Атомы иногда движутся по направлению друг к другу, но в основе этого движения, по мнению большинства исследователей, нет никакого взаимного тяготения. Как справедливо замечает А.Ф. Лосев, «атомы движутся... не в силу взаимного тяготения (которого атомисты не знали)»¹⁸. Поэтому в главе «Метафизики», посвященной эросу, Аристотель вынужден отметить, что вопрос об этой причине движения атомисты «легкомысленно обошли»¹⁹.

Атомисты, согласно Аристотелю, вообще не говорят, какое движение естественно для атомов. Логично предположить, что раз атомы однородны, то и траектории их должны быть схожими. «Если же вселенная, — замечает Аристотель по этому поводу, — как говорят Демокрит и Левкипп, представляет собой [атомы], разграниченные пустотой, то у всех [у них] должно быть одно движение, так как... природа... у них одна»²⁰. Соответственно, пишет Аристотель далее, — «Левкипп и Демокрит, утверждающие, что первичные тела вечно движутся в пустоте и бесконечном [пространстве], должны были бы указать, каким именно движением они движутся, и каково их естественное движение. Ибо даже если каждый из элементов насильственно движим другим, тем не менее у каждого из них должно быть и какое-то естественное движение, вразрез с которым идет насильственное»²¹. Но, общее естественное движение для атомов Демокритом не указано. Траектории атомов просто изначально отличаются или, как вынужден констатировать Аристотель ниже (чтобы показать очередную возникающую несуразность), «каждому элементу (т.е. атому. — Г. К.) присуще свое собственное движение»²².

Насколько такая констатация важна для Аристотеля видно из следующего сделанного им замечания. «Что же касается тех, — пишет Аристотель в труде «О Небе», подразумевая здесь атомистов, — кто

полагает бесконечное число [элементов], движущихся в бесконечном [пространстве], то, если двигатель один, [у атомов] по необходимости должно быть одно (естественное в силу однородности. — Г. К.) движение, откуда следует, что они движутся не беспорядочно; если же число двигателей бесконечно, то и число движений должно быть бесконечным»²³. Иными словами, допущение самопроизвольного беспорядочного движения атомов как движения, естественного для них, автоматически ведет к признанию множества перводвигателей. Для Аристотеля, автора органичной для античного мировоззрения концепции единого Перводвигателя — целеполагающей и организующей силы, которую проявляет динамическая гармония мира, — такая точка зрения, безусловно, парадоксальна.

Следует отметить, что Демокритовы атомы, согласно свидетельству Аристотеля, не просто обладают беспорядочным движением. Атомы обладают «беспорядочным движением, длянщимся бесконечно»²⁴. Принципиальным моментом в учении Демокрита является постулируемая им вечность атомов (отсюда и вечность их движения). Для Аристотеля это неприемлемо, так как он воспринимает атом в качестве не целого, но «части», а, следовательно, в русле античной традиции, как нечто ущербное, несовершенно, неполноценное и, наконец, временное. Вечность же есть атрибут истинного бытия. Проблема Демокрита, по мнению Аристотеля, заключается в невольной экстраполяции плюралистического принципа, вполне допустимого на низших несовершенных уровнях бытия, на его высшие уровни. «Начинать космогонию с уже разделившихся и движущихся [элементов] для атомов нелогично, — пишет Аристотель, — ибо космос состоит из уже разделенных элементов и поэтому должен возникать из нерасчлененного единства»²⁵.

Выше уже говорилось о значении этого единства для античного сознания. Изначальное онтологическое единство мира делает его «космосом» (с греческого «строением», «порядком», даже «украшением»). «Природа есть порядок»²⁶, — утверждает совершенно в духе Античности Аристотель. Поэтому, помимо движения и его видов, мыслителя крайне интересует и состояние естественного покоя. Рефлексия гармоничного мирового порядка приводит к созданию известной космологической теории «естественного места». «Движущееся по необходимости должно где-то остановиться, — пишет Аристотель, — ... [телу] присущ естественный покой... естественное движение, именно перемещение к месту покоя»²⁷. Иными словами, есть связь между движением тела и его неподвижностью; тела движутся до тех пор, пока они не заняли свое оптимальное место в отражающей внутреннее единство прекрасной мировой иерархии. «Всякому, по моему разумению, — пишет Аристотель, — необходимо занять свое особое место... в чем участвуют все для [блага] целого»²⁸.

С такой точки зрения безостановочное, беспорядочное, да еще и бесконечное по времени движение, вне сомнения, «абсурдно и невозможно»²⁹. Но именно так происходит у Демокрита. Аристотель отмечает, что у атомов нет обусловленного высшей целью естественного места. Отсюда их внешне бесцельное блуждание во вселенной, приводящее к появлению и исчезновению не имеющих — в этом случае — никакого смысла вещей (вполне очевидно, насколько такое понимание противоречит общеантичной интуиции вещи) и миров (Демокрит четко артикулирует множество непохожих миров и, соответственно, бесконечную, «не имеющую низа и верха» вселенную). Таким образом, в космологическом учении Демокрита нет того иерархического порядка и осмысленного единства, что характерен для античной картины универсума. Мир для Демокрита, в определенном смысле, есть Хаос, а не Космос. «У этих [мыслителей] (Левкиппа и Демокрита. — Г. К.), — возмущается в связи с этим Аристотель, — получается как раз наоборот: беспорядок природосообразен, а порядок и космос противоестественны»³⁰.

Есть еще один парадокс в интерпретации учения Демокрита Аристотелем. Он касается формы атомов. Немаловажно отметить, что, помимо своей индивидуальной траектории, у каждого атома Демокрита есть и своя индивидуальная форма (т.е. тело), причем число таких форм невообразимо велико. Множественность форм атомов, заявленную учением Демокрита, подчеркивает ряд античных авторов, включая самого Аристотеля. Поэтому, например, Иоанн Фелопон, комментируя соответствующее место у Аристотеля, замечает: «Демокрит и Левкипп принимали существование неделимых тел бесконечных не только по числу их, но и по [числу] различных форм»³¹.

Факт бесконечности числа фигур атомов, отсутствия внешне идентичных атомов в учении Демокрита представляется принципиальным. Из него вытекает закономерный вопрос: имеет ли смысл, в этом случае, объективное существование неких стандартов форм, по которым мы можем ранжировать и оценивать атомы, или такие стандарты есть произвольная операция человеческого сознания? Общепринятой — опять же благодаря авторитету Аристотеля — является точка зрения, что такие стандарты в атомизме объективно существуют. Так, Аристотель утверждает, что атомы огня у Демокрита имеют форму шара: «...огню приписали форму шара»³². Соответственно имеют особую форму (и размер) атомы воды, земли, металла и т.д. Результатом такой однозначной привязки форм атомов к качествам вещей становится сомнение в теоретической обоснованности этого пункта атомистического учения, ведь число качеств вещей и явлений в мире ограничено, следовательно, ограниченным должно быть и число форм. Именно такой аргумент (помимо еще и ограниченности в мире видов движения) использует Аристотель, считая декларируемое

Демокритом бесконечное разнообразие атомных тел концептуальным излишеством³³.

Однако, и это важно, согласно Демокриту, никаких вторичных качеств вещей, на основании которых следует классифицировать атомы, в объективной реальности вообще нет. В этой истинной реальности нет ни огня, ни воды, ни земли, ни металлов и т.д. Есть лишь огромное, не имеющее границ месиво бесчисленных, бесконечно разнообразных по форме и размерам, непрерывно перемещающиеся по причудливым траекториям, в разных направлениях и с разными скоростями атомов. Вот характерный отрывок на эту тему: «Демокрит иногда отвергает чувственно воспринимаемые явления и говорит, что ничто из них не является поистине, но лишь по мнению, поистине же существуют [только] атомы и пустота... А именно, он говорит: “[Лишь] в общем мнении существует сладкое, в мнении горькое, в мнении теплое, в мнении холодное, в мнении цвет, в действительности же [существуют только] атомы и пустота”»³⁴.

Иными словами, вторичные качества вещей, с которыми непрерывно сталкивается человек в своей деятельности, и которые складываются для него в некий гармоничный и комфортный для жизни мир — это не объективная реальность. Это реальность субъективная (или возникающая в «общем мнении», т.е. интерсубъективная).

Оригинальная гносеологическая установка Демокрита обнаруживает свое продолжение у некоторых софистов. Недаром же Протагора, утверждавшего, что «человек — мера всех вещей», часть античных доксографов считала непосредственным учеником основоположника атомизма. Но эту установку принципиально не принимает «корреспондент» и «квалитативист» Аристотель, заметивший в своем труде «О Душе» (имея в виду Демокрита и его последователей): «...прежние же философы, размышлявшие о природе, говорили неправильно, полагая, что нет ни белого, ни черного без зрения, как нет вкусовых свойств без чувства вкуса»³⁵.

Основательность аристотелевской критики атомизма в вопросах, касающихся природы, движения, формы атомов, как представляется, имеет принципиальный характер. Аристотель, изначально понимавший атомы как некие однородные частицы ранее «нерасчлененного единства» (что было вполне естественно в рамках господствовавшей монистической парадигмы), справедливо отмечает необоснованное нарушение логики в рассуждениях своего предшественника: «...абсурдные следствия вытекают из утверждений... Демокрита из Абдер»³⁶.

Однако и можно, и следует поставить под сомнение интерпретацию атомизма самим Аристотелем. Ведь предоставленный им историко-философский материал по атомизму с большей степенью вероятности иллюстрирует иной онтологический концепт. Разнородность

и вечность атомов, их автономное и поэтому хаотичное движение, неорганизованность и бессмысленность мира, который они создают, наконец, красноречивый отказ прекрасному античному космосу в объективности — все это постулаты, внутренне противоречивые только в рамках монизма. Они совершенно непротиворечиво мыслятся, например, в плюралистическом контексте.

Для плюралистической онтологии вполне естественна процедура, повышающая онтологический статус целокупных, единственных в своем роде и поэтому совершенных атомов — как перводвигателей, как смыслов, наконец, как причин вещей (а, следовательно, как их блага) — до уровня абсолюта. С этой точки зрения, Демокрит не делит до бесконечности истинное бытие, как считает Аристотель, но скорее до бесконечности умножает его. Завершая полную аналогию атома Демокрита с имеющим материальную форму Абсолютом представителей элейской школы (в частности, Парменида), следует добавить следующее: окруженный пустотой и поэтому не взаимодействующий с внешним миром, атом остается навсегда один, он ничего «не знает» ни о существовании других атомов, ни о существовании мира в целом. Более того, являясь совершенным, он не испытывает и нужды в таком «знании».

Следует отметить особо, что об учении Демокрита как о плюралистическом говорят и в Античности. Например, Диоген Лаэртский (III в.) по этому поводу отмечает: «Демокрит полагает, что вечные [начала]... есть маленькие сущности³⁷. Плутарх (II в.) в своем труде «Против Колота» пишет: «Что говорит Демокрит? Субстанции, беспредельные по числу... носятся, рассеянные в пустоте»³⁸. Исследования свидетельств античных авторов раскрывают, возможно, принципиальную позицию и самого Демокрита. Согласно им, сам атомист Демокрит никогда не употреблял слово «атом», а говорил о многочисленных и самостоятельных «природах»³⁹.

В то же время необходимо оговориться, что к таким свидетельствам следует подходить с определенной долей осторожности. Вопрос заключается в том, насколько вообще плюралистического типа онтология возможна на натуралистической стадии развития античной философии, к которой, безусловно, относится творчество Демокрита. Ведь для возникновения такой онтологии или, выражаясь более осторожноными словами А.Ф. Лосева, попытки «впервые в истории философии... выдвинуть на первый план учение об индивидууме»⁴⁰ (и, тем самым, реализовать идею индивида как центрального принципа философствования), необходимы были определенные мировоззренческие условия, в первую очередь, развитые представления о том же индивиде. Следует признать, что для Античности V — IV вв. до н.э. такие условия маловероятны. Тем не менее предпринимающиеся некоторыми исследователями (в частности, А. Уайтхедом) попытки

своеобразной модернизации атомизма, позволяющие увидеть в нем древний – и внутренне глубоко противоречивый – аналог монадологии Лейбница и учения о «вещах самих по себе» Канта заслуживают определенного внимания.

О том, что тема генезиса и содержания демокритовского атомизма остается по-прежнему актуальной для исследования, свидетельствуют и разные точки зрения на это учение в «априори» консервативной справочной литературе. Например, если в Британской энциклопедии утверждается, что атомы «однородны (homogeneous), но отличны по виду»⁴¹, то в российской «Новой философской энциклопедии» заявлено, что «своим учением об атомах Демокрит предложил изначально плюралистическую онтологию»⁴². Констатируя эти точки зрения, следует отдать должное научной добросовестности Аристотеля, благодаря которой было, фактически, сохранено семантическое ядро философского учения об атомах Демокрита. А проблемы, с которыми столкнулся Аристотель при интерпретации этого учения (с позиции последовательного монизма), поставили плодотворные для истории философии вопросы понимания этого учения и шире – особенностей развития античной философской мысли.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Аристотель*. О небе. 270b. 5.
- ² *Encyclopedia Britannica*. Vol. 7. LTD Chicago, L., Toronto, 1956. P. 188.
- ³ *Новая философская энциклопедия*. В 4 т. Т. 1. – М.: Мысль, 2000. С. 622.
- ⁴ *Аристотель*. Метафизика. 985b. 15.
- ⁵ *Аристотель*. Физика. 184b. 20.
- ⁶ *Лурье С.Я.* Демокрит. Тексты, переводы, исследования. – Л.: Наука, 1970. С. 258.
- ⁷ *Аристотель*. Физика. 194a. 15.
- ⁸ *Лурье С.Я.* Демокрит. Тексты, переводы, исследования. – Л.: Наука, 1970. С. 229.
- ⁹ *Аристотель*. Физика. 203b. 1.
- ¹⁰ *Аристотель*. О небе. 276a. 1.
- ¹¹ *Аристотель*. О возникновении и уничтожении. 326a. 15.
- ¹² Там же. 326a. 30.
- ¹³ Там же. 323b. 10.
- ¹⁴ *Лурье С.Я.* Демокрит. Тексты, переводы, исследования. С. 458.
- ¹⁵ *Доброхотов А.Л.* Учение досократиков о бытии. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. С. 27.
- ¹⁶ *Аристотель*. Метафизика. 984b – 985b.
- ¹⁷ *Доброхотов А.Л.* Учение досократиков о бытии. С. 27.
- ¹⁸ *Лосев А.Ф.* История античной эстетики (ранняя классика). – М.: АСТ, 2000. С. 467.
- ¹⁹ *Аристотель*. Метафизика. 985b. 15.
- ²⁰ *Аристотель*. О небе. 275b. 30.
- ²¹ Там же. 300b. 10.
- ²² Там же. 303b. 1.
- ²³ Там же. 300b. 30.
- ²⁴ Там же. 301a. 5.
- ²⁵ Там же. 301a. 15.
- ²⁶ Там же. 301a. 5.
- ²⁷ Там же. 300b. 5.

- ²⁸ *Аристотель*. Метафизика. 1075a. 20.
²⁹ *Аристотель*. О небе. 301a. 5.
³⁰ Там же. 301a. 5 – 10.
³¹ *Лурье С.Я.* Демокрит. Тексты, переводы, исследования. С. 244.
³² *Аристотель*. О небе. 303a. 10.
³³ Там же. 303a. 15 – 303b. 5.
³⁴ Цит. по: *Лосев А.Ф.* История античной эстетики (ранняя классика). С. 531.
³⁵ *Аристотель*. О душе. 426 а. 20.
³⁶ *Аристотель*. О небе. 303a. 1.
³⁷ Демокрит в его фрагментах и свидетельствах древности (с комм. Г.К. Баммеля). – М.: ОГИЗ, 1935. С. 63.
³⁸ *Лурье С.Я.* Демокрит. Тексты, переводы, исследования. С. 251.
³⁹ Там же. С. 487.
⁴⁰ *Лосев А.Ф.* История античной эстетики (ранняя классика). С. 477.
⁴¹ Encyclopedia Britannika. Vol. 7. 1956. P. 188.
⁴² Новая философская энциклопедия. Т. 1. С. 199.

REFERENCES

- Aristotle*. Works in 4 volumes. Moscow, Mysl [Thought], 1971 (in Russian).
 Encyclopedia Britannika. LTD Chicago, London, Toronto. Vol. 7, 1956.
 Democritus in fragments and testimonies of antiquity (with comments of G.K. Bammel). Moscow: OGIЗ, 1935 (in Russian).
Dobrokhotov A.L. The doctrine of the existence of the pre-Socratics. Moscow, Moscow University Publ., 1980 (in Russian).
Losev A.F. History of ancient aesthetics (early classics). Moscow: AST, 2000 (in Russian).
Lurie S.Ja. Democritus. Texts, translations, research. Leningrad, Nauka [Science], 1970 (in Russian).
 New Encyclopedia of Philosophy in 4 volumes. Moscow, Mysl [Thought], 2000 (in Russian).

Аннотация

Статья посвящена проблеме понимания Аристотелем учения Демокрита об атомах. Делается предположение, что противоречия, с которыми сталкивается Аристотель, комментируя атомизм, связаны с монистическим восприятием этого учения.

Ключевые слова: история философии, античность, Аристотель, атомизм, монизм, онтология, учение Демокрита.

Summary

The article is devoted to the understanding of the Democritus's doctrine about atoms by Aristotle. The author assumes that the contradictions faced by Aristotle commenting atomism, are related to the perception of this monistic doctrine.

Keywords: history of Philosophy, antiquity, Aristotle, atomism, monism, ontology, the doctrine of Democritus.